

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ: К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ПРАВ

Исключительная лицензия предполагает предоставление лицензиату права использования объекта интеллектуальной собственности с сохранением за лицензиаром права его использования в части, не передаваемой лицензиату, но без права выдачи лицензии другим лицам (ст. 985 Гражданского кодекса Республики Беларусь; далее — ГК). Под «другими лицами» в ст. 985 ГК понимаются не только третьи лица, но и лицензиат, поскольку последний сохраняет за собой право использовать объект интеллектуальной собственности лишь в той части, которая не передается лицензиату. Лицензиат в случае предоставления исключительной лицензии не может предоставлять лицензии другим лицам в отношении переданных прав. В литературе дискутируется вопрос о правовой природе прав, предоставляемых в силу исключительной лицензии. На значимость данного вопроса указывал Г. Штумпф: «при лицензионном договоре... возникает вопрос, затрагивает такая исключительная лицензия лишь стороны договора (обязательственное право) или она действует также в отношении третьих лиц (вещное право). Этот вопрос имеет важное практическое значение, например, при решении вопросов правопреемства, выдачи последующих лицензий и защиты патента» [4, с. 47]. По утверждению В.А. Шуваева, исключительная лицензия «...предоставляющая лицензиату право использования объекта интеллектуальных прав в рамках договорного относительного правоотношения, в то же время наделяет его абсолютными правами, что выражается не только в возможности монопольного использования предоставленных лицензионным договором правомочий в отношении результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, но и в возможности защищать свои права и интересы в отношении такого результата или средства от действий третьих лиц» [5, с. 40—41]. Авторы одного из комментариев к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) напротив утверждают, что право лицензиата не является абсолютным «...оно относительно и носит обязательственный характер» [1, с. 39]. Следует отметить, что в Российской Федерации такой спор возник в связи с наличием в ГК РФ ст. 1254 «Особенности защиты прав лицензиата», в соответствии с которой если нарушение третьими лицами исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, на использование которых выдана исключительная лицензия, затрагивает права лицензиата, полученные им на основании лицензионного договора, то лицензиат может наряду с другими способами защиты защищать свои права способами, предусмотренными ст. 1250 «Защита интеллек-

туальных прав», ст. 1252 «Защита исключительных прав» и ст. 1253 «Ответственность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей за нарушения исключительных прав» ГК РФ. Что касается отечественного законодательства, то в нем норма с аналогичным содержанием отсутствует, а это, по нашему мнению, делает невозможным применение к обязательственным правоотношениям, вытекающим из лицензионного договора, способов защиты, присущих абсолютным правам. Сложность решения вопроса о возможных способах защиты прав лицензиата усугубляется не только отсутствием в законодательстве специальной нормы, но и формулировкой определения исключительной лицензии, содержащейся в ст. 985 ГК. Как отмечает С.С. Лосев, указание в определении на то, что за лицензиатом сохраняется право «использования объекта в части, не передаваемой лицензиату», может «... в отсутствие легального толкования понятия «части прав» означать как передачу лицензиату исключительного права использования объекта определенным способом в полном объеме (позитивная составляющая, выражающаяся в праве осуществлять действия по использованию объекта права интеллектуальной собственности, и негативная составляющая, выражающаяся в праве пресекать аналогичные действия третьих лиц), так и исключительного права частично (только позитивная составляющая)» [2, с. 153]. Из этой неопределенности вытекает существенный недостаток данного в ГК определения лицензионного договора «в нем нет ответа на вопрос о том, получает ли лицензиат на основании выданной ему исключительной лицензии возможность запрещать третьим лицам аналогичное использование объекта исключительного права и применять предусмотренные законом средства защиты в случае, если предоставленное по договору право будет нарушено третьими лицами» [2, с. 153].

Подобное понимание сути исключительной лицензии не соответствует общепринятому в международной практике, где исключительная лицензия наделяет лицензиата в рамках договора действующим против любого лица правом исключения, которое состоит из монопольного права использования объекта, а также негативного права запрещения, действующего в отношении третьих лиц [3, с. 126].

Литература

1. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Н.П. Корчагина [и др.]; под общ. ред. В.В. Погуляева. — М.: Юстицинформ, 2008. — 638 с.
2. Лосев, С.С. Проблемы правового регулирования оборота исключительных прав в Республике Беларусь / С.С. Лосев. — Минск: Беларус. навука, 2006. — 245 с.
3. Хасимова, Л.Н. Лицензионный договор в праве промышленной собственности Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Л.Н. Хасимова. — Казань, 2006. — 197 с.

4. Штумпф, Г. Лицензионный договор / Г. Штумпф. — М.: Прогресс, 1988. — 478 с.

5. Шуваев, В.А. Гражданско-правовое регулирование лицензионного договора на использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.В. Шуваев. — М., 2009. — 207 с.

*А.А. Ханевский, мл. науч. сотрудник
НЦЗПИ (Минск)*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Развитие социального партнерства является одной из характерных черт современной сферы труда. Взаимодействие, компромисс, консенсус как основа социального партнерства позволяют достигнуть относительного баланса между интересами работников и работодателей. Социальный диалог служит действенным инструментом сочетания экономической эффективности и социальной справедливости.

В индустриально развитых странах социальное партнерство принимает различные формы. В настоящее время в научной литературе выделяют три основные модели взаимоотношений между партнерами [1, с. 25]: одноуровневую модель, переходную и трехуровневую. За основу классификации берется организационно-управленческий уровень принятия решений, соглашений по урегулированию социально-трудовых вопросов. В рамках одноуровневой модели (характерна для США, Канады, Японии и ряда других стран) социальные партнеры ограничиваются заключением коллективных договоров в основном на уровне предприятий.

Переходная модель свойственна для стран Центральной Европы, ее особенностью является то, что акцент в социальном партнерстве ставится на его отраслевом уровне. На уровне всей страны совместные соглашения трех сторон не принимаются, дело ограничивается консультациями, которые носят для субъектов социального партнерства добровольный характер.

Трехуровневая модель сформировалась на севере Европы в странах Скандинавии и отличается активной ролью государства в регулировании трудовых и связанных с ними отношений. В рамках данной модели регулирование происходит на трех уровнях: общенациональном, отраслевом и локальном (уровень предприятия):

□□□ В Республике Беларусь выстроена четкая система взаимоотношений между социальными партнерами [2]. В ее основе — Генеральное соглашение между Правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзов. На основе Генерального соглашения заключаются отраслевые (тарифные) и региональные (социально-экономические соглашения, определяющие темпы экономического развития, социальные гарантии работникам отдельных от-